Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Джордж Вудкок
Размышления о децентрализме

Скопировано 2019-01-14 с
https://dumka.be/ru/news/perevod-vudkok-dzh-razmyshleniya-o-decentralizme
Оригинал:
https://theanarchistlibrary.org/library/george-woodcock-reflections-on-decentralism

ru.theanarchistlibrary.org

Размышления о децентрализме

Джордж Вудкок

Меня попросили написать о децентрализме в истории, и я почувствовал себя так, будто вглядываюсь в сумрак, где маленькие огоньки сверкают, словно светлячки, продержавшись немного, исчезают, а затем снова появляются, словно послания Справедливости из стихов Одена. История децентрализма должна быть написана по большей части в темных тонах, как история зимы и сумерек с моментами оттепели и рассвета — потому что эта история, как и история либертарных убеждений в целом, не может рассматриваться в терминах прогрессии и роста. Это не история движения, эволюции. Это история чего-то, что, как воздух, было с нами с самого начала человеческой эры, чего-то, что, словно клубень зимой, может уходить глубоко в землю и все же присутствовать там всегда, в темных недрах человеческого общества, чтобы пробиться наружу в неожиданных местах в периоды послаблений.

Человек палеолита, собиратель и охотник, был децентралистом вынужденно, поскольку земля не давала достаточ-

но дикой пищи для скученной жизни, а в современных удаленных частях света, которые были слишком дикими или бесполезными для проникновения цивилизации, люди до самого недавнего времени все еще жили в первобытном децентрализме: австралийские аборигены, сельские жители острова Папуа, эскимосы Северной Канады. Эти люди, до того, как история их коснулась, развили собственные сложные техники и культуру для поддержания своего примитивного и полного рисков уклада жизни; одновременно с тем они зачастую развивали удивительные художественные традиции вроде традиций индейцев тихоокеанских тропических лесов и некоторых групп эскимос_ок. Но, поскольку в их мире централизация означала голод и смерть, они не развили политическую жизнь, позволяющую формировать авторитарные структуры, и не институциализировали войну. Они практиковали взаимопомощь для выживания, но это не делает из них ангелов; из тех же соображений они практиковали детоубийство и оставление стариков и старух.

Я не могу равнодушно вспоминать все эти еще недавно существовавшие децентралистские сообщества, поскольку только что вернулся из Канадской Арктики, где текущий период традиционной эскимосской жизни начался не более десяти лет назад. Теперь старым кочевым обществам, в которых люди передвигались скорее большими семьями, чем племенами, приходит конец, поскольку их навыки приходят в упадок, а их традиции, песни и танцы стираются из памяти. В прошлом году охотящиеся на оленей эскимосы построили, вероятно, последнее свое иглу; сейчас их сгоняют, словно скот, в сообщества, управляемые белыми людьми, где они живут группами от четырехсот до шестисот человек в домах, имитирующих дома белых людей, с гарантированным социальным пособием, если они не могут заработать денег на летних строительных

работах. Их детей учат люди, которые не знают эскимосского, их юноши теряют навыки охоты; властные элиты появляются в их переполненных маленьких северных трущобах, среди людей никогда не знавших, что такое власть, а уменьшение количества собачьих упряжек (теперь менее чем у каждой четвертой семьи есть собственные собаки, и только каждая двадцатая отправляется на длительную охоту или звероловный промысел) символизирует утрату свободы людьми, которые стали физически и ментально зависимы от централизованного бюрократического мира, который построило канадское государство, задавшись несколько лет назад целью спасти людей Севера от «варварства» и незащищенности.

Судьба эскимосов и многих других примитивных культур в течение последней четверти века показывает, что древний, исконный децентрализм человека каменного века обречен, даже если он дожил до наших дней. Теперь люди будут стремиться к децентрализации намеренно и в связи с пережитым опытом, потому что они узнали все зло централизации и отвергли ее.

Централизация возникла, когда люди стали жить оседло и возделывать землю. Фермер_ы стали объединяться, чтобы защищать свой скот и поля от других людей, которые все еще вели кочевой образ жизни; чтобы сберегать и распределять ценные водные ресурсы; умиротворять духов плодородия, жрецов, которые служили духам, и королей, которые позже узурпировали роль жрецов и приравнялись к богам. Небольшие владения местных царей-жрецов разрослись до великих долинных империй Египта и Месопотамии, и наивысшим этапом этих изменений стала первая попытка установления мировой империи, когда династия Ахеменидов в Древней Персии воздвигла своего рода управленческий колосс — прототип централизованного государства, скопированный деспотиями Северной

Индии, эллинскими бого-королями и обожествленными цезарями Рима.

Из-за того, что в те времена документировались деяния королей и жрецов и мало говорилось о простых людях, у нас мало сведений о том, как они оберегали свои локальные обычаи и частную жизнь, как простой человек пытался удержать контроль над своими делами и над тем, что его наиболее беспокоило. Но если судить по крайне традиционным и хотя бы частично автономным сельским сообществам, продолжавшим существовать еще в то время, когда в Индию вторглись Великие Моголы, и, возможно, пережившим века политического хаоса и раздора между Моголами и Гуптами, выглядит правдоподобным, что чем дальше от центров власти жили люди той эпохи, тем в большей степени они сами устанавливали и защищали права на использование земли и управление своими делами, при условии, что они платили дань землевладельцу. В конце концов, именно сельские общины, прошедшие и через местную, и через Могольскую, и через Британскую Империи, дали Ганди основания возлагать надежды на систему панчаят радж — общество, основанное на автономных крестьянских коммунах.

Викторианские историки рассматривали Темные Века в Европе после Великой Римской Империи как историческую пустошь, разоренную варварскими ордами и рыцарями-разбойниками. Но эта эпоха также была, по сути, и промежуточным этапом, на протяжении которого в отсутствие сильной централизованной власти вновь стало проявляться стремление к децентрализации и сельские коммуны установили автономию, которая на некоторых наиболее отдаленных территориях, таких как, например, Пиренеи, Альпы и Апеннины, сохранилась до сих пор. К этим же «темным» векам относятся и ранние свободные города средневековой Европы, возникшие прежде всего

и политическим теориям, особенно допотопным, как у марксистов, тем более всепроникающим и прочным будет её влияние. Самая благоприятная почва для развития децентрализма, это, наверное, страны вроде Индии, где сельская жизнь все еще преобладает, страны вроде Японии, где децентрализация фабрик и интеграция сельского хозяйства и индустриальной экономики было признано необходимым для выживания, и такие места в нашем западном мире, где общество зашло в своем разложении наиболее глубоко, и децентрализация может проникнуть в него наподобие термитов. Отмирающие центры городов; деградирующие убыточные сельхозугодья; те места, где централизованное правительство использует банковские критерии эффективности и которые не могут быть возрождены, поскольку польза не будет финансовой, а только социальной. На таких участках небольшие и гибкие ячейки рабочих, обслуживающие потребности местных жителей, могут выживать и попутно выполнять работу по тихому разрушению и построению новых ячеек. Но не вся работа может быть проделана в тени. Все еще есть потребность в теоретиках, чтобы продолжить работу, начатую в прошлом Кропоткиным, Геддесом и Мамфордом, с целью продемонстрировать саморазрушение как конечный характер политического и промышленного централизма и показать как общество в целом, а не только отдельные его части, могут вернуться назад к здоровью и миру, разрушив пирамиду авторитаризма, так что люди смогут есть хлеб братства и сестринства, а не камни власти — любой власти.

Другие крупные кризисы последовали за индустриальной революцией, и каждый из них породил собственное децентралистское движение, в котором мужчины и женщины отворачивались от кошмаров мегаполитики, чтобы обратиться к радикальным реалиям человеческих отношений. Кризис борьбы за независимость Индии побудил Ганди проповедовать необходимость построения общества, основанного на деревенском укладе. Жестокость репрессий царской Руси подтолкнула Петра Кропоткина развивать его теорию децентрализованного общества, интегрирующего промышленность и сельское хозяйство, физические и умственные способности. Вторая мировая война послужила причиной возникновения серьезного социального движения среди британских и американских пацифистов, стремящихся создать обитель здравого смысла среди воюющего мира, и даже более крупное движение децентрализации и коммунитаризма возникло в Северной Америке в противовес обществу, которое может развязывать войны наподобие вьетнамской. Сегодня, вероятно, еще больше людей, чем раньше, осознанно вовлечены в какие-либо децентралистские начинания, выражающиеся не только в бунте против монолитного авторитаризма, но также и в вере в возможность построения нового, дисперсного общества, в котором на каждом уровне будет обеспечено участие в принятии решений, как предлагали анархисты 19-го века вроде Прудона и Кропоткина.

По мере того, как безобразные и пагубные пороки современного экономического и политического централизма становятся все более явными, а государство более чем убедительно показывает себя врагом всего человеческого, пропаганда и практика децентрализма будет распространяться все более широко, хотя бы потому, что нужда в нем будет постоянно усиливаться. Чем менее децентралистская деятельность будет привязана к жестким социальным

для взаимной защиты от беспорядков, и превратившиеся в Италии и Германии в существовавшие веками убежища для науки и искусства, а также свободы, насколько она была возможна в те времена.

Кроме таких сельских коммун и городов, в Швейцарии возникла первая в мире политическая федерация, основанная на совместной защите локальных свобод от феодальных монархов и деспотов эпохи Возрождения.

Некоторые из этих древних коммун сохранились и по сей день. В шведском кантоне Аппенцелль до сих пор существует прямая демократия — каждый житель принимает участие в голосовании относительно законов; итальянский город-государство Сан-Марино до сих пор удерживает среди гор свою независимость в мире великих держав. Но это редкие выжившие, обязанные этим, в основном, своей географической недоступности до возникновения современного транспорта. Когда в конце Средневековья начали формироваться национальные государства, наступать на децентрализацию стали не только монархи и диктаторы, создавшие высокоорганизованные государства, как бурбонское во Франции и кромвельское в Англии, но также и церковь, а конкретно крупные монашеские ордена, установившие у себя правила унифицированного поведения и жесткого расписания, что предвосхитило будущие серьезные посягательства на локальную независимость и свободу, а также на практику взаимопомощи. Это произошло, когда британские деревни, а позже и все европейские, были опустошены во времена Аграрной революции восемнадцатого века, и лишившиеся домов люди оказались на фабриках с жесткой дисциплиной и страдали от отчужденного производства в новых промышленных городах, где все традиционные связи были разрушены и всякое участие в общем деле, которое было свойственно средневековой деревне, стало неуместным.

Именно такие изменения, как установление централизованного государства в 17 веке и индустриальная централизация в 18 и 19 веках, заставили людей впервые осознать необходимость децентрализации, чтобы уберечь себя от бездушного мира, устанавливавшегося вокруг. Кромвельскому военному государству Джерард Уинстенли и движение диггеров противопоставили свою идею и практику создания новых земледельческих коммун на невозделанных землях в Англии, коммун, которые бы отвергли господ и распространили возможности для участия на мужчин, женщин и даже детей.

Когда Великая французская революция взяла курс на централизм, учредив еще более жесткое бюрократическое государство, чем Бурбоны, и впервые введя всеобщую воинскую повинность, такие люди как Жак Ру и его последователи «бешеные» (enragés) протестовали от имени местных коммун Парижа, которые они считали основой демократической организации. В тоже время в Англии Уильям Годвин, первый из философов-анархистов, сумел разглядеть опасность таких форм правления, в которых принятие решений сконцентрировано в руках верхушки общества. В своем «Исследовании о политической справедливости» Годвин выдвигал идею стран, в которых бы изредка собирались ассамблеи делегатов, чтобы обсудить случаи срочных общественных затруднений, не было бы постоянных органов центрального правительства, каждый местный округ решал бы свои проблемы посредством свободного договора (а не мажоритарным голосованием), и спорные вопросы регулировались бы третейским судом.

Английские и французские социалисты-утописты начала 19-го века, в отличие от марксистов и революционных социалистов под предводительством Огюста Бланки, были вдохновлены своим отвращением к монополистической промышленной и политической организации на реализацию своих теорий в маленьких коммунальных образованиях, которые, как они верили, могут быть созданы даже до того, как существующее общество будет разрушено. В те времена американская граница все еще пролегала в долине Миссисипи, и там, среди небольших первопроходческих обществ охотников и торговцев, шахтеров и фермеров, существовала тенденция — сохранившаяся до конца эпохи освоения — организовываться в коммуны с широкой автономией, управляющие своими делами самостоятельно и во многих смыслах этого слова берущие закон в свои руки. В этом обществе, где люди реагировали на пограничные условия спонтанно коллективной и децентрализованной организацией, европейские и американские утопические социалисты, а также разные христианские сообщества пробовали организовать самоуправляемые коммуны, которые были бы ячейками нового мира братства. Последователи Кабе и Фурье, Роберта Оуэна и Джосайи Уоррена — все они сыграли свою роль в движении, создавшем сотни сообществ и длившемся почти столетие; его последняя волна разбилась о тихоокеанский берег в Эдвардианскую эпоху, когда была создана Сойнчула — большая коммуна финских социалистов на труднодоступном острове Британской Колумбии. Только религиозные сообщества этой эпохи, цели которых выходили за рамки социальной теории, смогли выжить; даже сейчас некоторые меннонитские сообщества Канады так сильно держатся за свои идеи коммунальной автономии, что покидают страну, чтобы найти в Южной Америке место, где бы они смогли свободно обучать своих детей так, как считают нужным. Все светские коммуны исчезли; главный урок их неудачи в том, что децентрализованные организации должны быть укоренены в настоящее, в потребности реальных участников, а не стремиться ввысь к разрушенной мечте о структурах утопического будущего.